

Глава двадцатая. Смятение чувств

Разглядывая великого князя Жуя, Дайюй чувствовала, как в душе крепнет недоумение. С одной стороны, этот высокопоставленный гость держался так, словно его и господина Линя связывала давняя, доверительная дружба. С другой — зная сдержанный и мягкий нрав родителя, она никак не могла понять, что же произошло между ними в прошлом, раз одно лишь упоминание о князе заставляло отца терять всякое самообладание.

Впрочем, Сыту Жуй быстро совладал с нахлынувшими чувствами. Ему хотелось поговорить с Дайюй, но ворошить старые обиды он не собирался. Вместо этого князь принялся рассказывать о юности Линь Хая. Он вспоминал, как будущий инспектор соляного надзора заслуживал восторженные похвалы наставников и как на дружеских пирах молодых литераторов неизменно брал верх в стихотворных состязаниях. Дайюй слушала его, затаив дыхание, и её лицо светилось от радости.

За разговорами незаметно пролетело два часа. Дайюй спохватилась лишь тогда, когда служанка от Бань-ся пришла её искать.

Глядя на мягкую улыбку Сыту Жуя, Дайюй поняла, что её былая настороженность бесследно исчезла.

— Простите мою навязчивость, дядя, — смущённо произнесла она, поднимаясь со своего места.
— Мне пора идти.

— Мы с твоим отцом старые друзья, — поспешил воспользоваться моментом Сыту Жуй. — Если ты не против, Юй-эр, зови меня просто дядей.

Дайюй прикинула, что отказываться неловко — всё же этот человек только что поведал ей столько драгоценных историй из юности её отца. Слегка улыбнувшись, она послушно склонила голову:

— Сердечно благодарю вас, дядя.

Заметив, как у девочки лукаво заблестели глаза, Сыту Жуй тепло усмехнулся:

— О чём-то задумалась, Юй-эр? Хочешь спросить меня о чём-то?

Дайюй смущённо подняла на него взгляд.

— Мой третий брат рассказывал, что вы грозный полководец, суровый и неприступный, — призналась она. — Но сейчас мне кажется, что он сильно преувеличивал.

Сыту Жуй удивлённо приподнял брови.

"Третий брат... Сяо Чжияюань"

Князь прекрасно знал этого юношу и внимательно следил за его действиями в последние дни. Однако он никак не ожидал, что этот малец станет обсуждать его с Дайюй. Ему вдруг стало любопытно, каким же его вообразила девочка с подачи молодого Сяо.

— И что же наплёл тебе юный господин Сяо? — с улыбкой спросил он.

— Брат Чжияюань говорил, что восхищается вами больше всех на свете, — охотно пояснила Дайюй. — Ведь вы сражались на границах, оберегая покой Поднебесной. Пусть я мало что смыслю в ратных делах, но его слова кажутся мне разумными. Если бы в совете сидели одни лишь книжники, кто встал бы на защиту рубежей? Взаимное пренебрежение между военными и чиновниками — вещь пагубная.

Глядя, как девочка уморительно качает головой, подражая умудрённым опытом мужам, Сыту Жуй не сдержал улыбки. Юнец из рода Сяо оказался на редкость забавным. Вот только не боится ли он, что Линь Хай спустит с него три шкуры, прознав, какими речами тот забивает голову его дочери?

— А сама ты что думаешь, Юй-эр? Каким человеком тебе кажется твой новоиспечённый дядя?

Этот вопрос заставил Дайюй призадуматься.

"Разве этот благородный дядя может быть злодеем? Конечно нет. Но почему тогда папа так на него сердится?"

Пока Сыту Жуй терпеливо ждал ответа, в покои вихрем ворвался запыхавшийся слуга. Он побледнел от страха.

— Барышня! Барышня, беда! На господина совершено покушение, он ранен!

Дайюй резко вскочила, мгновенно побледнев. Сыту Жуй с такой силой сжал пальцы, что бамбуковые спицы веера с треском переломились. Как это могло случиться?!

К счастью, в этот момент в комнату влетел личный телохранитель князя.

— Ваше Высочество, господин Линь отделался лёгким порезом на руке, его жизни ничего не угрожает, — торопливо доложил он. — Сейчас он уже вернулся в поместье и находится в своём кабинете.

Узнав, что рана пустяковая, Дайюй немного перевела дух, но тревога не отпускала её. Девочка тут же бросилась к выходу, спеша в отцовский кабинет. Однако её детские шаги были слишком медленными. Сыту Жуй в мгновение ока обогнал её, преградив путь.

Не обращая внимания на испуганный писк служанок, он осторожно подхватил Дайюй на руки. Толкнувшись от земли, князь пустил в ход искусство лёгкости — цингун. Несколько стремительных, бесшумных прыжков над крышами и дорожками усадьбы — и они уже стояли у дверей кабинета Линь Хая.

Оказавшись в воздухе, Дайюй вскрикнула от неожиданности. Но стоило ей увидеть, как стремительно проносятся мимо деревья и павильоны, испуг сменился восторгом.

"Какое чудо! Если бы не папа, я бы попросила покатать меня ещё раз"

Почувствовав на себе её восхищённый взгляд, Сыту Жуй спокойно улыбнулся:

— Как-нибудь при случае я покажу тебе, как парить над самыми высокими кронами.

Дайюй не успела ответить — у входа она заметила старейшину Чжэна. Подбежав к старому лекарю, девочка торопливо поклонилась и принялась расспрашивать о состоянии отца. Лишь когда почтенный старец подтвердил, что рана не опасна, камень окончательно спал с её души. Поблагодарив лекаря, она поспешила войти внутрь.

Сыту Жуй же остался на пороге. Дайюй из-за юных лет и волнения не заметила секундного колебания на лице лекаря, но князь с его намётанным глазом заметил эту деталь. Именно поэтому он не спешил заходить следом за девочкой.

Старейшина Чжэн уже много лет как оставил службу при дворе, однако грозного воителя, великого князя Жуя, узнал без трудностей. Не понимая, какими ветрами занесло сюда столь важную особу, лекарь всё же почтительно склонился в поклоне.

Молчание Сыту Жуя тяготило. Тяжёлый, давящий взгляд князя заставлял старого лекаря нервничать. Почтенный старец гадал, что на уме у великого полководца.

К счастью, тишина длилась недолго.

— Почтенный Чжэн, сколько зим прошло, — негромко произнёс Сыту Жуй. — Как ваше здоровье?

Старик торопливо заверил, что чувствует себя превосходно, и деликатно поинтересовался, чем обязан столь высокому вниманию. Находиться под пристальным взглядом «Бога войны» ему было не по силам.

— Я заметил, что отвечая барышне Линь, вы на миг замялись, — прямо спросил князь. — Скрываете что-то? Неужели здоровье господина Линя внушает опасения?

Старейшина Чжэн замялся. Врачебная тайна обязывала его молчать, да и маленькой Дайюй он не стал говорить всей правды лишь потому, что её детскому сердцу эта ноша принесла бы только пустые тревоги. Но с какой стати великий князь так печётся о здоровье инспектора соляного надзора? Это выглядело странно.

— Мы с господином Линем — старые соратники, — мягко, но настойчиво проговорил Сыту Жуй, понимая его сомнения. — К тому же он верная опора престола. Случись с ним непоправимое, это станет невосполнимой утратой для всей Поднебесной и для самого государя.

После таких слов старый лекарь не посмел вилать.

— Не стану утаивать от вас, Ваше Высочество, — вздохнул он. — Нынешнее ранение пустяковое, обычный порез. Беда в другом. Господин Линь годами трудится на износ, а здоровье его от природы слабое. Если он и дальше продолжит пренебрегать отдыхом, его дни сочтены.

Пальцы Сыту Жуя сжались в кулак с такой силой, что побелели костяшки. «Дни сочтены»... Эти слова ударили его под дых. Подавив подступившую к горлу глухую ярость, он спросил:

— Сам Линь Жухай об этом знает?

Старейшина Чжэн сокрушённо покачал головой:

— Ещё во время смертельного недуга покойной супруги господина Линя я заприметил неладное. Но тогда он безутешно горевал и наотрез отказывался от осмотра. Когда же я заговорил об этом позже, он лишь отмахнулся, сказав, что такова воля Небес.

— Это можно исправить? — в голосе князя звенящей струной натянулось напряжение.

— Способ есть, — поспешил успокоить его лекарь. — Болезнь ещё не укоренилась глубоко. Всё дело в крайнем истощении сил. Нужен долгий, кропотливый уход и покой, но лечение потребует много времени и терпения.

"Главное — надежда есть, — пронеслось в мыслях Сыту Жуя"

— С сегодняшнего дня вы перебираетесь в это поместье, — властно распорядился князь. Перед ним стоял обычный лекарь, а сам он с пелёнок принадлежал к императорскому роду и не привык просить дважды. — Ваша единственная забота отныне — поставить Линь Хая на ноги.

Сам же Сыту Жуй уже прикидывал, кого ещё из лучших целителей Поднебесной можно привлечь к лечению инспектора соляного надзора. К тому же, по слухам, и малютка Дайюй росла на редкость болезненной. Больное семейство... Князь нахмурился. Придётся раздобыть для них редчайшие снадобья и прислать самых искусных лекарей.

Оставив ошеломлённого лекаря на пороге, Сыту Жуй решительно переступил порог. Миновав просторный кабинет, он направился напрямик в малую опочивальню, где обычно уединялся хозяин дома.

Ещё не дойдя до ширмы, князь услышал нежный девичий плач и тихий, виноватый голос Линь Хая. По его сбивчивому шёпоту было легко догадаться, в каком крайнем замешательстве находится несчастный отец, не знающий, как унять дочерние слёзы.

Сыту Жуй умышленно помедлил у занавеси. Гнев всё ещё бурлил в его груди. Князь понимал: начини он отчитывать Жухая сам, тот лишь замкнётся в себе или полезет в бутылку. Но с Дайюй всё обстояло иначе. Пусть этот упрямец сполна прочувствует, каково это — заставлять любящих людей сходить с ума от тревоги.

Впрочем, затягивать сцену тоже не следовало — девичьи слёзы могли дурно сказаться на слабом здоровье Дайюй. Посчитав, что урок упрямому больному преподан достаточно, Сыту Жуй негромко покашлял и отодвинул бамбуковую занавесь.

Заметив вошедшего, Дайюй поспешно утерла слёзы шёлковым платком и поднялась навстречу. Линь Хай же неловко отвел взгляд в сторону.

— Ну полно, Юй-эр, не плачь, — ласково проговорил Сыту Жуй, чувствуя, как при виде зарёванного личика девочки сжимается его собственное сердце. — Твой отец уже всё понял и раскаялся. Впредь он будет беречь себя ради тебя. Погляди-ка, глаза совсем опухли — негоже такой красавице ходить заплаканной.

— Дядя только и горазд, что подшучивать надо мной, — слабо улыбнулась Дайюй.

— И вовсе не подшучиваю. Вот увидит тебя Сяо Цзинь в таком виде — точно задрознит.

Дайюй испуганно округлила глаза. Она ведь сама не раз подкалывала Сяо Цзиня, когда тот хныкал. Если теперь он застанет её зарёванной, то непременно оплатит той же монетой! От этой мысли девочка невольно насупилась.

— Ступай к себе, милая, приведи себя в порядок, — с улыбкой проговорил Сыту Жуй, ласково потрепав её по макушке. — А за твоим упрямым родителем я пригляжу.

Дайюй, однако, замялась и украдкой покосилась на отца, безмолвно испрашивая дозволения.

Линь Хай пребывал в глубоком смятении. Он до глубины души корил себя за то, что безвылазно торчал в управе последние дни. Проведи он это время дома, ничего бы не случилось. Да и сейчас — стоило увести Дайюй с собой, оградить её от этого человека, но он от растерянности позабыл обо всём на свете. Мало того что дочь плакала, сокрушаясь, что отец заставил её изнывать от страха, так ещё и этот незванный гость умудрился за пару мгновений втереться к ней в доверие. Вспомнив, как князь совсем недавно заикался о желании назвать Дайюй своей названной дочерью, Линь Хай готов был сам выпроводить девочку, лишь бы уберечь её от влияния этого хитреца.

Поэтому, перехватив вопрошающий взгляд дочери, он едва заметно кивнул, отпуская её. Дайюй, решив, что худшее позади, поклонилась и вышла. В мыслях она уже прикидывала, какой целебный отвар лучше приготовить для скорейшего выздоровления отца.

Стоило дверям за девочкой закрыться, как комнату затопило тяжёлое, неловкое молчание. Почувствовав, что Сыту Жуй делает шаг к постели, Линь Хай инстинктивно отодвинулся глубже к стене.

— Премного благодарен вашему высочеству за визит, — выдавил он, силясь придать голосу холодную беспристрастность подчинённого. Получалось из рук вон плохо — князь стоял слишком близко, нависая над постелью. — Смиранный слуга в полном порядке. Не смею более задерживать вас.

Сыту Жуй вгляделся в его бледное, осунувшееся лицо. Извечное, непреклонное упрямство Жухая вызвало у него лишь горькую усмешку.

Почувствовав, что князь садится на край ложа, Линь Хай едва подавил порыв вскочить. Он поднял взгляд и утонул в его глазах, полных неприкрытой, щемящей тревоги.

Мгновение растянулось в вечность. Время словно замерло, стирая годы разлуки. Они уже и забыли, когда в последний раз вот так — без масок и чинов — смотрели друг другу в глаза.

Линь Хай поспешно, почти испуганно отвернулся.

"Торжествуй, раз тебе так угодно. Я действительно не смог тебя позабыть"

Вся его напускная холодность и выверенное годами безразличие в один миг рассыпались в прах, обнажив нелепость его сопротивления. До чего же глупо. Когда-то он сам не выдержал давления, отступился, разорвал их связь, но вырвать это чувство из груди оказалось выше его сил.

Он мягко, но властно обхватил его лицо тёплыми ладонями, заставляя обернуться. Увидев вспыхнувшую в глазах Сыту Жуя робкую надежду, Линь Хай вспыхнул от гнева и бессилия.

— Убирайся! — сорвался он на хриплый шёпот. — Слышишь? Убирайся прочь, я не желаю тебя видеть!

Сыту Жуй скорее дал бы отсечь себе голову, чем ушёл сейчас. Он крепко сжал его ладонь и, глупо, счастливо улыбаясь, раз за разом повторял одно лишь имя:

— Жухай... Жухай, побудь со мной. Пожалуйста, давай больше не будем ссориться.

<http://bllate.org/book/18189/1758493>